

Публикация и комментарии Р. Романовой

Александр Твардовский: «У меня как бы две биографии» Репутация народного поэта и наследственное клеймо классового врага

Из архивов Старой площади

На XIX съезде в октябре 1952 года ВКП(б) была переименована в КПСС. Из-за этого вскоре начался обмен партийных билетов. Ординарная, казалось бы, процедура надолго осложнила и без того отнюдь не простую жизнь А.Т. Твардовского.

«Что касается моего «дела», – писал он 24 мая 1954 года Валентину Овечкину, – то скажу тебе здесь одно: только развернувшаяся работа над загробным Теркиным удерживала меня от почти что отчаяния. Друзья некоторые выжидательно примолкли, недруги возликовали уже было. Я рад бесконечно, что есть у меня друзья, которым не приходится сожалеть о дружбе со мной, и есть люди, в которых хочется верить и которых надо любить».

История о том, как обернулся для Твардовского обмен партбилета, слышана мною неоднократно: Трифонович, мол, отказывался брать новый партбилет, пока запись в учетной карточке «сын кулака» не будет изменена на «сын середняка». Погасило конфликт только вмешательство Н.С. Хрущева, который лично позвонил поэту и заверил, что все в порядке. Сюжет, надо сказать, вполне банальный; после смерти у знаменитостей друзей больше, чем при жизни, а уж они на красочные подробности не скупятся.

Хранящиеся в бывшем Архиве ЦК КПСС (ныне ЦХСД) документы показывают, как все это было на самом деле.

Документ 1

Первому секретарю ЦК. КПСС тов. Н.С. ХРУЩЕВУ

Глубокоуважаемый Никита Сергеевич,

Я вынужден обратиться к Вам по личному вопросу, который возник сейчас передо мной и, как выяснилось, не может быть решен в иной, чем Центральный Комитет, инстанции.

Возник он в связи с уточнением моих биографических данных при обмене партдокумента в Краснопресненском районном комитете КПСС,

Дело в том, что в графе моей учетной карточки «социальное положение родителей» обозначено, что родители мои были кулаками,

Не имея никаких причин, которые побуждали бы меня фальсифицировать свое социальное происхождение, считаю это обозначение не соответствующим действительности.

Правда, в 1931 году моя семья, которую я покинул в 1928 г., была административно выслана за невыполнение «твердого задания», о чем я подробно и без утайки рассказывал на открытом собрании парторганизации Союза писателей при моем вступлении в партию в 1938 г. Но семью свою кулацкой и себя сыном кулака я никогда не считал и не считаю, потому что основным признаком кулацкого двора, как известно, является применение наемного труда, а в хозяйстве моего отца, крестьянина-кузнеца, наемный труд не применялся. Возможно, что до того, как я родился на свет, отец имел в кузнице подмастерье, поскольку мало-мальски крупная поковка невозможна без молотобойца, но на моей памяти не было и этого, так как ряд лет отец вообще не имел кузницы, а завел ее вновь только тогда, когда подросли дети, старший брат и я, и стали его помощниками. В период же, когда своей кузницы у отца не было, а с земли такому многодетному семейству прокормиться было трудно, он ряд лет работал у кулака, владевшего кузницей, но не являвшегося кузнецом.

Когда я пишу Вам, Никита Сергеевич, все это, я могу рассчитывать только на то, что Вы поверите, т. к. никаких справок и т. п. я представить не могу и сомневаюсь, что вообще сейчас возможно найти какую-либо документацию по этому вопросу.

Может показаться странным то обстоятельство, что я только теперь ставлю этот вопрос, возражаю против зафиксированного в учетной карточке «кулацкого происхождения».

Здесь я могу сказать следующее.

В 1931 г., живя в Смоленске и узнав о постигшей мою семью участи, я сделал все, что было в моих силах: добился приема у тогдашнего секретаря Смоленского обкома партии И.П. Румянцева, которому рассказал все то, примерно, что и теперь говорю. Он мне сказал (я очень хорошо помню эти слова), что в жизни бывают такие моменты, когда нужно выбирать «между папой и мамой, с одной стороны, и революцией — с другой», что «лес рубят, щепки летят» и т. п. Я убедился в полной невозможности что-либо тут поправить и стал относиться к этому, как к непоправимому несчастью моей жизни, которое остается только терпеть, если хочешь жить, служить своему призванию, идти вперед, а не назад. И всю мою юность мне было привычно, хоть и горько, носить на себе печать этого несчастья, считаться «сыном кулака».

Но в другое время, принесшее мне литературное признание, за пределами Смоленска, я отвык от этих слов: «сын кулака», «кулацкое происхождение», они ко мне никем не применялись — ни в партии, ни в армии, ни в литературной среде. История с выселением моей семьи стала для меня далеким эпизодом юности, чем-то бывшим, но минувшим. Родители мои в 1936 г. возвратились на родину и с тех пор жили в Смоленске, на моем иждивении (отец умер в 1949 г., мать жива и поныне).

И вот при обмене партдокумента я столкнулся с этой графой, где обозначено, что я как бы то ни было, а «сын кулака». Меня это глубоко озадачило и взволновало, как бы воротило назад, во времена моей нелегкой молодости. Я вспомнил свое детство, раннюю юность, полные, за редкими проблесками относительного достатка, лишения и тяжелого труда, и не могу даже условно (ведь практически это не имеет значения для моей нынешней судьбы) согласиться с этой отметкой.

Но, кроме фактической несправедливости записи в моей учетной карточке, меня в этом деле, как я написал и в письме в РК, смущает еще одно соображение. В многочисленных изданиях моих книг, в учебниках и хрестоматиях советской литературы, в биографических справках — всюду указывается, что писатель Твардовский А.Т. — сын крестьянина-кузнеца, т. е. выходец из трудовой семьи, человек, с малых лет познавший труд и т. п.

Таким образом получается, что у меня как бы две биографии: одна — в книжках — для народа, для читателей, в том числе детей-школьников, — другая в учетной карточке. В одном случае — сын кузнеца, труженика, в другом — сын кулака. Полагая, что такая двойственность не годится в отношении члена партии, я счел своим долгом написать об этом в Районный комитет и просить его изменить обозначение «родители кулаки» в соответствующей графе моей учетной карточки.

Секретарь Краснопресненского РК КПСС тов. Платонов А.Д. сообщил мне, что этот вопрос может быть решен лишь Центральным Комитетом КПСС, и я решился беспокоить Вас, Никита Сергеевич, этим письмом. Я с готовностью приму любое заключение Центрального Комитета по этому вопросу, но я не считал себя вправе не написать обо всем этом.

Не мог не написать, потому что хотя бы молчаливо согласиться с тем, что обозначено в моей карточке, в данном случае было бы все равно, что солгать не только перед самим собой, но и перед партией.

Член КПСС А. Твардовский

15 апреля 1954.

Документ 2

Твардовский Александр Трифонович. Членский билет № 3457679.

9 июня 1954.

Секретно.

Секретарю Московского горкома КПСС тов. ФУРЦЕВОЙ Е.А.

Произведенной на месте проверкой установлено, что т. Твардовский Александр Трифонович происходит из семьи крестьянина деревни Барсуки Починковского района Смоленской области. Его отец — Твардовский Трифон Гордеевич в конце 1900-х годов купил двенадцать гектаров

земли помещика Нахимова в деревне Селиба этого же района и переехал туда на постоянное жительство. Кроме отца и матери, в семье Твардовского было семеро детей.

В четырнадцатилетнем возрасте Твардовский А.Т. ушел от отца в Смоленск и устроился на работу в типографии сначала учеником, а затем рабочим. С тех пор в семью отца он не возвращался.

В хозяйстве Твардовского Т.Г. имелось две коровы, 1–2 рабочих лошади, небольшое количество мелкого скота, деревянный крестьянский дом с надворной постройкой и кузница, в которой работал сам Твардовский Т.Г. с сыновьями. Ввиду недостатка рабочих рук во время уборки урожая он нанимал иногда одного-двух сезонных рабочих, а также практиковал отработку за произведенные им для населения кузнечные работы. Постоянной наемной рабочей силы в хозяйстве не было.

К 1929–1930 годам хозяйство Твардовского Т.Г. подвергалось раскулачиванию, а сам он, без семьи, выселялся на Урал. По возвращении в 1936–1937 гг. с места высылки проживал в Починковском районе Смоленской области и работал по найму кузнецом в колхозах района.

В последние годы Твардовский Т.Г. проживал в г. Смоленске, а затем у сына в Москве. В 1949 году он умер.

Судя по материалам проверки, хозяйство Твардовского Т.Г. было не кулацким, а крепким середняцким хозяйством, удовлетворявшим личные потребности семьи. Постоянная наемная сила в нем не применялась.

Секретарь обкома КПСС П. Доронин.

Многое в этом документе выглядит весьма странно. «Клочок земли» в десять с небольшим десятин Т.Г. Твардовский приобрел через Поземельный банк на пустоши Столпово, да к тому же «с выплатой в рассрочку».

«Земля эта — вся в мелких болотцах — “оборка”, как у нас называли, и вся заросшая лозняком, березкой — была во всех смыслах незавидная. Но для отца, который был единственным сыном безземельного солдата и многолетним тяжким трудом кузнеца заработал сумму, необходимую для первого взноса в банк, земля эта была дорога до святости», — вспоминает родившийся на этой земле Александр Трифонович.

Далее. В четырнадцатилетнем возрасте, то есть в 1924 году, Твардовский не уходил от отца в Смоленск и не работал там в типографии, а учился в школе деревни Белый Холм. О том, что и в 1926–1927 годах он, за исключением редких отлучек, постоянно жил на отцовском хуторе, говорят его дневниковые записи.

«В 1929–1930 годах, — сообщает секретарь Смоленского обкома, — хозяйство Твардовского Т.Г. подвергалось раскулачиванию, а сам он, без семьи, выселялся на Урал».

Но вот перед нами письмо Александра Трифоновича М.В. Исаковскому от 14 апреля 1936:

«Сегодня я (с одним попутчиком) после долгой торговли еду на Уржум. Стараюсь не думать о трудностях дороги <...> Назад буду, вероятно, только с пароходом, т. е. недельки через полторы».

И комментарий к нему М.И. Твардовской:

«Поездка была предпринята с целью навестить семью (мать, отца, братьев и сестер), административно высланную весной 1931 г. на Северный Урал».

И как тогда быть со строками:

В краю, куда их вывезли гуртом,
Где ни села вблизи, не то что города,
На севере, тайгою запертом,
Всего там было — холода и голода.
Но непременно вспоминала мать,
Чуть речь пойдет про все про то что минуло.

Как не хотелось там ей помирать —
Уж очень было кладбище немилое.

И наконец «в последние годы» Трифон Гордеевич не проживал у сына в Москве, а лишь незадолго до смерти некоторое время находился на исследовании в одной из московских больниц.

Однако вернемся к документам из Архива ЦК.

Документ 3

Секретно.

< В ЦК КПСС >

Московский городской комитет КПСС посылает решение бюро Краснопресненского РК КПСС по заявлению члена КПСС, члена Центральной ревизионной комиссии т. Твардовского А.Т. об изменении записи в учетной карточке о социальном положении родителей т. Твардовского А.Т. после 1917 года.

МГК КПСС считает, что вопрос решен правильно.

Секретарь МГК КПСС Е. Фурцева

18 ноября 1954.

Выписка из протокола № 40

Заседание бюро Краснопресненского РК КПСС от 10 сентября 1954 года (протокол № 40, пункт XII).

Заявление члена КПСС тов. Твардовского А. Т. о замене партбилета.

Докладывает тов. Калашников, тов. Твардовский присутствует.

Твардовский Александр Трифонович, 1910 года рождения, член КПСС с апреля 1940 года, партбилет № 3457679 образца 1936 года, на руках, русский, служащий, образование высшее, писатель, член Союза советских писателей СССР, трижды лауреат Сталинской премии.

Существо дела. У тов. Твардовского в учетной карточке в графе «занятие родителей после 1917 года» записано: «крестьяне-кулаки, имели кузницу».

Тов. Твардовский заявляет, что это не соответствует действительности, так как в хозяйстве его отца наемный труд не применялся. В связи с этим тов. Твардовский просит внести изменения в его учетную карточку о социальном положении родителей.

По имеющимся в РК КПСС сведениям отец тов. Твардовского — Твардовский Трифон Гордеевич в конце 1900-х годов купил двенадцать гектаров земли у помещика Нахимова, имел кузницу.

Во время уборки урожая он нанимал одного-двух сезонных рабочих, кроме того, крестьяне отработывали в хозяйстве Твардовского за произведенные им кузнечные работы.

В 1929–1930 годах хозяйство отца Твардовского А.Т. было раскулачено, и отец выселялся на Урал.

Учитывая, что отец тов. Твардовского А.Т. использовал в своем хозяйстве наемную рабочую силу, имел кузницу, в 1929–1930 гг. хозяйство было раскулачено и отец высылался на Урал, тов. Твардовскому Александру Трифоновичу, члену КПСС с 1940 года, партбилет № 3457679, в просьбе об изменении записи в учетной карточке о социальном положении родителей после 1917 года отказать.

Секретарь РК КПСС <подпись неразб.>